

Муралогия.

Биг Муравей Муралогия.

<https://litres.ru/74013523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для тех, кто когда-нибудь падал.

Мне было шесть, когда я увидел синие косички Вагнера Лава. В тот день я решил: я буду футболистом. Я верил, пока однажды мяч не покатился медленно, а я остался сидеть на траве. Шесть лет молчания. Потом были цифры 209, которая зацепилась в голове в самый тёмный момент. Потом — музыка. Альбом, который должен был всё изменить. Тюрьма, которая изменила меня. И снова музыка. И снова крах.

«Муралогия» — это наука о том, как падать и вставать. Это моя жизнь, осмысленная и записанная. Наука о том, как человек падал, вставал, верил, терял, находил и остался собой.

Эта книга для тех, кто устал от хэппи-эндов. Для тех, кто сидел в пустой комнате, слушал шаги по грязи и не знал, как встать. Для тех, кто терял мечту, веру, себя.

Я не даю ответов. Я не знаю, как правильно. Я знаю только одно: я был там. И я поднялся. И сделаю это снова, если придётся.

Велком в Муралогию. 209S3V.

Содержание

Пролог.	4
Предисловие.	8
1. Синие косички.	10
2. Детство в селе.	13
3. Дороги.	20
4. Отец.	23
5. Тишина вместо огня.	30
6. Первая любовь.	34
7. Цифры.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Биг Муравей Муралогия.

Пролог.

Я сижу на полу маленькой квартиры. Спина прижата к кровати, ноги вытянуты, руки лежат на коленях. Пол холодный, чувствую его даже через джинсы. Холод поднимается по позвоночнику, добирается до шеи, но я не двигаюсь. Нет сил.

За окном – слякоть. Подтаявший снег превратился в грязь, и каждый прохожий оставляет в ней свой след. Я слышу каждый шаг. Хлюп. Хлюп. Хлюп. Шаги приближаются, замирают, удаляются. Закрываю глаза и всё равно слышу. Они въелись в голову. Этот звук – грязь, вода, чья-то спешка – стал фоном моей жизни. Или того, что от неё осталось. В комнате два стула. Один стол. Телевизор выключен. Я смотрю на этот чёрный экран, и он смотрит на меня. В нём отражается моё лицо. Бледное, уставшее, с глазами, которые видели слишком много. Я не узнаю себя. Или узнаю. Ту версию, которую прятал годами. Тишина давит так, что закладывает уши. Громкая, плотная, как вода, когда ныряешь глубоко и не знаешь, вынырнешь ли. Я сижу в этой тишине, и она заполняет меня. Каждую клетку. Каждую мысль.

Я только что вернулся с работы. Точнее – с того места, где меня уволили. Человек, который звал меня, который обещал, который смотрел в глаза, – он сказал: **«Извини, не срослось»**. Я кивнул. Собрал вещи. Вышел. Не помню, как шёл. Не помню, как поднимался по лестнице. Не помню, как открыл дверь. Помню только, как сел на пол.

Я не плакал. Не кричал. Я просто сидел. Смотрел в одну точку. Ждал, когда что-то изменится. Ничего не менялось.

И вот я здесь.

Я не знаю, сколько времени прошло. Может, час. Может, ночь. За окном темнеет. Фонари зажигаются, но свет сюда почти не попадает. Я сижу в полумраке, слушаю шаги, смотрю на два стула, которые стоят у стола. Два стула. Для кого? Я никого не ждал. Может, я ждал себя. Того, кто верил, что всё получится. Того, кто обещал маме, что больше не подведёт. Того, кто смотрел в зеркало и говорил: **«Я сделаю это»**. Тот человек не пришёл. Он остался там. В другой жизни. Которая закончилась сегодня. Или раньше. Я уже не помню. В голове – обрывки. Фразы людей. Свои собственные слова, которые я говорил себе годами: **«Ты сможешь»**, **«Не сдавайся»**, **«Ещё немного»**. Они звучат сейчас как издевательство. Прокручиваю их снова и снова, как заезженную пластинку. И каждый раз они бьют сильнее.

Голос мамы: **«Я верю в тебя»**.

Голос сестры: **«Ты справишься»**.

Голос друга: **«209 – это судьба»**.

Голос того, кто уволил: **«Извини, не срослось».**

Я сжимаю кулаки. Ногти впиваются в ладони. Боль – хоть что-то живое. Я смотрю на свои руки. Они ещё помнят, как держали мяч. Как держали микрофон. Как писали строчки на салфетках. Сейчас они просто лежат на коленях. Бесплезные. Как и я. Я сделал всё: прошёл через тюрьму, записал альбом. Я верил, что на этот раз получится. Что мир наконец-то перевернётся. Что мама перестанет волноваться. Что я смогу посмотреть в зеркало и сказать: **«Я сделал это».**

Я сделал. И что?

Мир не перевернулся. Мама всё так же волнуется. А в зеркало я смотрю и вижу того же человека. Только старше. С сединой, которой не должно быть в мои годы. С глазами, которые видели то, что не должен видеть никто. С пустотой, которую ничем не заполнить.

Альбом вышел, его слушают. Не миллионы, но слушают. Я должен радоваться! Должен чувствовать, что всё не зря. Но я чувствую только усталость. Глубокую, как море. Тёмную, как эта комната.

Я закрываю глаза. Шаги продолжают. Хлюп. Хлюп. Хлюп. Они становятся громче, или мне кажется. Я слышу их даже сквозь закрытые глаза. Грязь, вода, чужая спешка. Кто-то идёт домой. Кто-то ужинает. Кто-то живёт. А я здесь, на полу. В чужом городе. В чужой квартире. С двумя стульями,

за которыми никто не придёт.

И вдруг – одна мысль. Тихая. Слабая. Почти неслышная среди этого хлопанья.

«Я уже был здесь. Я уже падал. И я поднимался».

Я открываю глаза. Смотрю на чёрный экран телевизора. В нём – моё лицо. Бледное, уставшее. Но глаза – они смотрят. Не отворачиваются. Не закрываются. Я не знаю тогда, что эта ночь станет не концом, а началом. Что из этого краха родится что-то новое. Что цифры **209** не умрут. Что я снова встану. Что я научусь отличать цели, которые мои, от тех, которые навязаны. Что я пойму: **успех – это не когда ты накормил маму. Успех – это когда твоя правда нашла отклик.** Я не знаю этого тогда. Знаю только, что я уже падал. И я поднимался. Но это будет потом. А сейчас я сижу на полу, слушаю громкую тишину, смотрю на два стула и позволяю себе быть сломленным. Позволяю себе упасть.

Потому что знаю: я умею вставать!

Предисловие.

Я не писатель. Не учился на литератора, не заканчивал курсов, не читал учебников о том, как строить сюжет. Просто человек, который прошёл через огонь, воду и медные трубы. Который падал и вставал. Который верил, когда верить было не во что. И который однажды сел и начал писать. Эта книга – не мемуары в привычном смысле. Это не хронология событий, не отчёт о достижениях, не список того, что я сделал и чего не сделал. Это – моя правда. Такая, какая есть. Без прикрас. Без оправданий. Без попытки казаться лучше, чем я есть. Я пишу её для тех, кто когда-то падал. Для тех, кто терял мечту, веру, себя. Для тех, кто сидел в пустой комнате, слушал тишину и не знал, как встать. Пишу, чтобы вы знали: вы не одни. Я был там и знаю, каково это – смотреть в потолок и не видеть выхода. Но я также пишу для того, чтобы стало известно: выход есть. Не всегда тот, который мы планируем. Не всегда тот, который приносит славу и деньги. Но он есть. И он начинается с одного шага. С того, чтобы встать, с того чтобы сказать себе: *«Хватит лежать»*.

Цифры 209 идут через всю мою жизнь. Они были якорем, когда я тонул. Они стали названием команды, альбома, этой книги. Для кого-то это просто число, для меня – путь. Я не знаю, что будет дальше. Не строю планов, я просто иду.

Спокойно. Зная, что каждый шаг – это уже путь.

Спасибо, что открыли эту книгу.

Верю, найдёте в ней свое что-то.

С уважением и теплом: М.

1. Синие косички.

Мне было, наверное, шесть. Может, семь. Я не помню точно – эти годы как старая фотография, где всё смазано по краям. Мы жили с отцом в селе, в старом доме, который пах разохшимся деревом и махоркой. Телевизор ловил два канала. Первый и второй. Иногда, если погода была хорошая, можно было поймать третий, но он шипел и рябил так, что глаза уставали. Это был чёрно-белый телевизор с выпуклым экраном, который долго нагревался, и от него пахло пылью и горячими лампами. Я любил этот запах. Он был запахом другого мира – мира который приходил ко мне через экран.

Отец работал, мама была где-то рядом – их развод случился позже, а тогда мир ещё был целым. Я сидел на полу, поджав под себя ноги, локти упирались в колени, подбородок – в ладони. Телевизор гудел, в комнате пахло пылью от батарей и чем-то сладким из кухни – мама пекла пироги. И вдруг – он. **Вагнер Лав.** Синие косички вплетены в чёрные волосы, лицо сосредоточенное, а ноги делают с мячом то, что казалось невозможным. Он не просто бегал по полю – он летал. Я не мог оторвать глаз. В груди что-то зажглось. Не знал тогда слова «*одержимость*». Я знал только, что теперь всё будет иначе.

После того дня я стал собирать всё, что связано с футболом. Журналы, вырезки из газет, плакаты. Их было немного

– в нашем селе это был дефицит. Я бережно складывал их в папку, которую сделал сам из старого картона. Своей комнаты у меня не было, но я мечтал, что когда-нибудь она появится, и я развешу всё это по стенам. До того дня не дошло. Плакаты истлели, папка потерялась при переезде. Но тогда, в детстве, каждый новый лист с футболистом был сокровищем.

Где видел мяч – играл. Во дворе, в школе, на пустыре за гаражами. Мяч был старый, местами облезлый, но когда я бил по нему, время останавливалось. Не было ни тесной комнаты, ни тревоги, ни развода родителей, который потом разрежет жизнь на «до» и «после». Был только я, мяч и ворота, которые я рисовал на стене мелом. В школе на уроках я рисовал в тетрадях составы команд. Знал имена почти всех футболистов – от вратаря до нападающего. Учителя ругались, но я не мог иначе. Футбол был не игрой. Он был жизнью.

Однажды мама договорилась о просмотре в профессиональной команде. Она повезла меня, я помню дорогу, помню запах бензина в маршрутке, помню, как сердце колотилось так, что казалось – его слышат все. Тренер посмотрел на меня, потом на мои документы, потом снова на меня.

– **Маловат,** – сказал он.

– **Физически не готов. Приезжайте через год.**

Я не понял тогда, что «через год» в этом мире значит «никогда». Я вышел с базы и был почти счастлив. Мне дали шанс! Дома я застал маму на кухне. Она чистила картошку,

руки были в мокрой коже. Я влетел, сбивая дыхание.

– **Мам, меня взяли! Ну, почти. Сказали приезжать через год!**

Она не подняла головы. Нож продолжал стучать по доске.

– **Через год,** – повторила она.

– **Да! Я приеду, покажу, что могу. Я же могу, правда?**

Она положила нож. Вытерла руки о фартук. Посмотрела на меня. В её глазах было что-то, что я не умел назвать. Жалость? Твёрдость? Страх?

– **Второго шанса не будет,** – сказала она.

Я замер.

– **Почему?** – спросил я.

Голос прозвучал тоньше, чем я хотел.

– **Потому что их не дают,** – сказала она. – **Если бы давали, все были бы футболистами.**

Я не понял. Или не хотел понимать. Я просто стоял и смотрел, как она снова взяла нож, как картошка падала в кастрюлю с водой.

– **Я докажу,** – сказал я.

Она не ответила. Нож стучал. Вода капала из крана. Я развернулся и ушёл в свою комнату.

2. Детство в селе.

Детство в селе проходило как у всех. Мы играли в казаки-разбойники, бегали по улицам, строили шалаши из веток, лазили по деревьям.

Летом – дотемна, пока мама не позовёт домой.

Зимой – снежки, горки, ледяные крепости.

Время шло, и игры менялись, но одно оставалось неизменным: с определённого возраста я пропадал в парке и играл в футбол. Всегда. Каждый день. Мяч был моим лучшим другом, поле – вторым домом. Я помню наш двор. Старый, с потрескавшимся асфальтом, с качелями, которые скрипели, когда раскачивались слишком сильно. Мы собирались там после школы. Кто с мячом, кто со скакалкой, кто просто так. Делились на команды, воротами служили куртки или рюкзаки. Играли до темноты, пока не начинали слышать мамины голоса. Я бежал, когда звали меня. Но иногда, если счёт был ничейным, я делал вид, что не слышу. Мама ждала. Потом увидев, смотрела, вздыхала. Я знал, что вечером будет разговор, но это было потом. **А сейчас – игра.**

Я ходил на секцию. Тренер был строгим, но справедливым. Он служил в армии, говорил отрывисто, командным голосом. Мы его боялись и уважали.

– Ноги кормят волка, – говорил он. – А у тебя, парень, ноги быстрые. Но головой думать надо.

Старался, бегал, отжимался, отработывал удары. Сотни ударов по мячу. Пока ноги не начинали гудеть, пока не темнело в глазах. Иногда получалось, иногда нет. Тренер подходил, поправлял, показывал.

– Смотри. Не ногой бей – думай. Куда мяч полетит? Что сделает вратарь? Всё в голове.

Я смотрел, запоминал, пробовал снова. Медленно, но я учился. Не только бить, но и думать. Не только бежать, но и выбирать направление.

В селе все знали друг друга. Соседи, одноклассники, продавщица в магазине. Я был известен – и не только благодаря футболу. Меня называли вредителем. Не со зла. Просто я любил придумывать что-то, экспериментировать. Мог запустить змея из полиэтилена, который застревал в проводах. Я бежал, кричал, тянул за верёвку, а он – вверх, к проводам. Соседи выходили, смотрели, качали головами. Мог построить плот из досок, найденных на стройке. Мы спустили его на пруд, он держался минут пять, потом развалился, и мы выплывали кто как. Мог поджечь сухую траву, чтобы посмотреть, как горит, – и потом тушить её вместе со всеми. Однажды мы с пацанами забрались на крышу старого сарая. Смотрели на закат, болтали ногами. Кто-то сказал: «**А слабо спрыгнуть?**» Я посмотрел вниз. Высоко. Но я спрыгнул. Приземлился, упал, разбил коленку. Дома врал, что упал с велосипеда. Я не был хулиганом. Я был искателем. Просто не всегда понимал, куда приведут мои поиски.

В школе я учился хорошо. Не отличник, но твёрдый хорошист. Любил два предмета: русский язык и историю.

Русский – за то, что в нём можно было выражать мысли, играть словами, чувствовать их вес. Я любил писать сочинения. Мог сидеть над листом часами, подбирая слова, представляя их, добиваясь, чтобы звучало. Учительница говорила: «*У тебя чутьё*». Я не знал, что это значит. Просто чувствовал, где запятая, где тире, где слово не то.

История – за то, что в ней были герои, битвы, судьбы. Я представлял себя на месте то князя, то воина, то летописца. История была похожа на игру. Только правила в ней писали не мы.

Учителя говорили, что у меня есть способности. Но почерк был некрасивым. Вечно кривые буквы, кляксы, строчки, убегающие вверх или вниз. Учительница по русскому вздыхала, глядя в мою тетрадь.

– Пишешь как курица лапой, – говорила она. **– А мысли правильные.**

Я пытался исправиться, но буквы не слушались. Они были как мяч – норовили улететь туда, куда не надо. Только мяч я ловил, а буквы – нет. Она иногда оставляла меня после уроков. Садилась рядом, показывала, как выводить буквы.

– Смотри. Не спеши. Ведёшь линию – думай. Каждая буква – как удар. Точный, уверенный.

Я смотрел на её руки, как они двигались по бумаге, и пытался повторить. Получалось, но медленно. Очень медленно.

Однажды, в четвёртом классе, меня выбрали на Олимпиаду по русскому языку. Я помню этот день. Учительница объявила список, и моя фамилия прозвучала первой. Я сидел за партой и не верил. Меня? С моим-то почерком?

– У тебя чутьё на слово, – сказала она. – Почерк – дело наживное.

Мы поехали в районный центр. Я волновался. В автобусе сидел у окна, смотрел на поля, леса, деревни. Думал о заданиях, о том, что будет, если не справлюсь. В зале было много ребят из других школ. Все серьёзные, сосредоточенные. Я сел за парту, сжал ручку, ждал. В голове крутились правила, исключения, запятые, тире. Я любил это. Чувствовать, как слова ложатся в строку, как паузы обретают форму. Олимпиада длилась несколько часов. Я писал, перечитывал, исправлял. Ручка скользила по бумаге, пальцы устали. В конце сдал работу и выдохнул. Ждали результатов. Я сидел в коридоре, смотрел в окно, думал о доме, о футболе, о том, как побегу на поле, когда вернусь. Солнце уже клонилось к закату, тени удлинялись. Объявили результаты. Я не выиграл. Не занял ни первого, ни второго, ни третьего места. Но среди победителей были мои одноклассницы. Две девочки, с которыми мы сидели за соседними партами. Они подошли ко мне после.

– Спасибо, – сказала одна. – Если бы не ты, я бы не справилась.

– Ты объяснял мне тему перед олимпиадой, – сказала другая. – Я запомнила.

Улыбнувшись, я не помнил, чтобы объяснял. Может, просто рассказал что-то на перемене, может, они спросили, а я ответил. Я не думал об этом. Но им помогло. Я вернулся в школу. Учительница посмотрела на меня, покачала головой.

– **Мог бы и сам выиграть,** – сказала она.

Я пожал плечами. Мне было не жалко. Мои одноклассницы победили – значит, **и я победил**, чуть-чуть, своей частью.

Сейчас я понимаю, что это было важно. Не победа. Не грамота. А то, что я умел помогать. Что не жалел того, что знал. Что делился, не думая о выгоде. Может, это и есть главное – не сколько ты взял сам, а сколько отдал другим. В детстве я это чувствовал. Потом, в погоне за целями, забыл. А теперь снова вспоминаю.

Те годы в селе были простыми. Мы не знали, что будет дальше. Не знали, что развод, переезд, новая жизнь. Мы просто жили. Играли, учились, дрались, мирились. Я помню, как бегал по улицам босиком, когда асфальт нагревался за день. Помню запах свежего хлеба из пекарни, который разносился по всей улице. Помню, как мы сидели на лавочке у подъезда, слушали разговоры взрослых и ждали, когда стемнеет, чтобы начать свою игру. Помню, как первый раз ударил по мячу так, что он полетел, куда я хотел. Помню, как учительница похвалила моё сочинение. Помню, как помог одноклассникам и не пожалел. Я был вредителем и помощником. Тем, кто пропадал на футбольном поле, и тем, кто подсказывал

на олимпиаде. Тем, кто спрыгивал с крыши, и тем, кто сидел над тетрадкой дотемна. Я был собой. Ещё не надломленным. Ещё не потерявшим. Просто мальчишкой, который искал себя. В каждом ударе, в каждом слове, в каждом поступке. Я часто вспоминаю то время. Запах травы на поле. Скрип парты в классе. Слова учительницы о том, что почерк – дело жизненное. Она была права. Почерк исправился, а любовь к слову осталась. И то, что я умею делиться – тоже.

Школа

В школе я не был самым умным. Но школьная программа давалась легко. Я схватывал на лету, мне не нужно было сидеть часами над учебниками. Достаточно было послушать на уроке — и всё запоминалось само. Но меня оценивали не по знаниям. По поведению. Учителя хотели, чтобы я сидел тихо. Не высовывался. Не спорил. Не задавал лишних вопросов. И тогда они ставили мне хорошие оценки. Даже если я ничего не сделал. **Подачка.** Я не был из таких людей. Я не хотел подачек. Мне хотелось добиваться всего самому. Своей головой. Своими руками. Своим упрямством. Я преуспевал в двух вещах одновременно: учился и хулиганил. Мог получить пятёрку за контрольную, а через час стоять у доски с замечанием. Так и вырос. Ни тем, ни другим до конца. Но и тем, и другим по отдельности. С восьмого класса я перестал воспринимать школу как место получения знаний. Мне ста-

ло тесно. Скучно. Я ушёл на улицу — познавать жизнь. Не из учебников, а из того, что происходит вокруг. Из разговоров, из драк, из дружбы, из ошибок. Учителя хвалили мою способность учиться. Говорили: *«Мог бы, если бы захотел»*. Но моё поведение было против. Они не понимали, что я не хочу быть удобным. Я не хочу сидеть тихо, когда вокруг происходит что-то настоящее. Маму часто звали в школу. Ругали меня. Она приходила домой уставшая, садилась на кухне, молчала. Я чувствовал её стыд. И свою вину. Но ничего не мог с собой поделать. Сейчас я понимаю: школа научила меня не тому, что написано в учебниках. Она научила меня стоять на своём. Не брать подачек. Не бояться споров. Искать знания там, где они есть, а не там, где их пытаются вложить силой.

Я благодарен школе.

За учителей, которые верили в меня, даже когда я был неудобным.

За маму, которая ходила на эти бесконечные вызовы и не сломалась.

За себя — за то, что не стал тихим и удобным.

3. Дороги.

Я часто путешествовал по разным городам. Не по своей воле – так складывалось. То здоровье подводило, то родственники звали. Но я любил эти поездки. Они делали мир шире. В больнице я провёл много времени. Белые стены, запах лекарств, капельницы, которые тянулись часами. Я лежал на койке, смотрел в потолок и ждал, когда всё закончится. Мама сидела рядом, держала за руку. Её рука была тёплой. Это помогало.

Потом были санатории. Я много раз ездил к морю. В разные места, в разное время. Санатории были похожи друг на друга: белые корпуса, дорожки между деревьями, запах хвои и соли. Но море было разным. Где-то спокойным, где-то штормовым. Где-то вода была прозрачной, где-то – мутной после дождя. Я любил сидеть на берегу, смотреть, как волны набегают и отступают. Это успокаивало. Давало чувство, что есть что-то большее, чем мои болезни, мои неудачи, мои страхи. В санаториях я знакомился с новыми людьми. Кто-то запоминался, кто-то – нет. Мы играли в настольные игры, гуляли по парку, ходили на дискотеки. Я был там другим. Не тем мальчиком, который пропадает на футбольном поле. А тем, кто наблюдает, слушает, запоминает. Я впитывал эти места, эти лица, эти разговоры. Они потом всплывали в памяти, когда я писал тексты.

Летом я часто уезжал к родственникам. К тем, кто жил далеко, в других городах. Дорога была долгой. Поезда, электрички, автобусы. Я смотрел в окно, считал столбы, деревья, дома. Каждый раз это было похоже на маленькое приключение. К родственникам отца – в одну сторону. К родственникам матери – в другую. Разные дома, разные запахи, разные разговоры. У одних – сад, у других – огород. У одних – тишина, у других – шумные застолья. Я выпитывал всё. Это было похоже на сбор пазла: из этих поездок складывалось понимание того, что мир большой, что люди разные, что дом – это не только место, где ты живёшь, но и те, кто тебя ждёт. Я возвращался домой. Ощущение всегда было крутое. Не потому, что в поездках было плохо. **Просто дом – это дом.** Своя комната (*которой не было*), свои вещи, запах маминой стирки. Я открывал дверь, снимал обувь, шёл на кухню. Мама улыбалась, ставила чайник.

– **Ну как?** – спрашивала она.

– **Хорошо,** – отвечал я.

И это было правдой. Хорошо, а дома – лучше.

Сейчас я понимаю, что эти поездки сделали меня тем, кто я есть. Они научили меня смотреть, слушать, запоминать. Научили ценить то, что у тебя есть, и не бояться того, чего нет. Научили, что дом – это не стены. **Дом – это место, куда ты всегда можешь вернуться.** Я часто вспоминаю те дороги. Поезда, которые уносили меня в неизвестность. Санатории, где я лечил тело, а заодно – душу. Города, которые

я видел из окна автобуса. И каждый раз – возвращение. Запах маминого чая. Её улыбка. Тепло.

Я люблю путешествовать, но больше всего я люблю возвращаться.

4. Отец.

Мой отец есть крутой специалист в сфере ветеринарии. Я не до конца понимал, что это значит, когда был маленьким. Я знал только, что он работает с животными, что его знают люди, что к нему приходят за советом. Он мог сказать, что с коровой, что с собакой, что с кошкой. Его руки были сильными, но мягкими, когда он трогал больное животное. Я смотрел на него и думал: *«Вот бы мне так – знать всё, уметь всё»*.

Я помню, как иногда он брал меня с собой. Мы ехали в машине, и салон пах бензином и кожей. Он рассказывал о животных, о том, как они устроены, как лечить их. Я не всё понимал, но мне нравилось слушать его голос – спокойный, уверенный. Он знал, что делает. Он знал, кто он. Он работал много. Возвращался поздно, иногда пахло лекарствами, иногда – просто усталостью. Но когда он был дома, он был рядом. Проверял уроки, сидел со мной за столом, объяснял математику, которую я не понимал. Я помню, как он склонялся над тетрадкой, водил пальцем по строчкам, говорил: *«Смотри, здесь ты ошибся. Подумай ещё раз»*. Я думал, смотрел, пытался понять. И когда у меня получалось, он улыбался. Улыбался редко, но эта улыбка стоила многого. Я чувствовал себя в безопасности, когда он был рядом. Но со временем что-то начало меняться. Я не сразу заметил. Мне было, на-

верное, шесть, может, семь. Я ещё не понимал этих взрослых вещей. Но я слышал голоса. Сначала тихие, потом громче. Мама что-то говорила, отец отвечал. Я лежал в своей кровати, смотрел в потолок и ждал, когда они замолчат. Когда наступит тишина.

Они начинали ругаться. Сначала редко, потом чаще. Я не понимал из-за чего. Мне казалось, что если бы они просто поговорили, всё бы уладилось. Но они не разговаривали. Они кричали. Слова долетали до моей комнаты обрывками: *«Ты не меняешься»*, *«Я не могу больше»*, *«А что я?»*, *«Ты думаешь только о себе»*. Я зажимал уши подушкой, но голоса проникали сквозь неё. А потом наступала тишина. Такая, после которой страшно выходить из комнаты. Я лежал, смотрел в потолок и ждал. Ждал, когда она закончится. Ждал, что всё вернётся, как было. Но не возвращалось. И это росло. Напряжение росло. Я чувствовал его кожей. Оно висело в воздухе, как перед грозой. Я ждал, когда грянет гром. И боялся этого.

Отец не менялся. Он был таким же, как всегда. Спокойным, уверенным, сильным. Он приходил домой, садился в своё кресло, включал телевизор. Как будто ничего не происходило. Может, он думал, что так и надо. Может, не знал, как по-другому. Но мама менялась. Я видел, как устают её глаза. Как она смотрит в окно, когда думает, что никто не видит. Как её руки, которые всегда были тёплыми, становятся холодными. Она перестала улыбаться. Перестала петь на

кухне. Дом стал слишком тихим. Не знал, кто прав. Не был в курсе, кто виноват. Я знал только, что боюсь. Мой возраст не позволял думать о плохом. Я верил, что всё произойдёт так, как надо. Что отец образумится. Что они уладят этот конфликт. Я ждал и надеялся.

Был страх проснуться и мама ушла, не сказав ни слова. Я просыпался по ночам, прислушивался к звукам в доме. Слышал, как тикают часы. Как дышит сестра в соседней комнате. Как скрипит половица под чьим-то шагом. Я закрывал глаза и думал: **«Всё будет хорошо. Они помирятся»**. Я верил в это, как верил в то, что завтра наступит утро. Пока отец был рядом, всё было хорошо. Мы не нуждались в еде и прочих бытовых моментах. На столе всегда была еда, в шкафу – одежда, в доме – тепло. Я не знал тогда, что это не вечно. Я думал, так будет всегда.

Но однажды он перестал быть рядом. Я не помню тот день. Не помню, как он ушёл. Не помню, что говорили взрослые. Помню только, что мама стала другой. Что в доме стало тихо. Что мы уехали. В другой город, в новую жизнь. Я сидел на заднем сиденье машины, смотрел в окно на удаляющиеся фонари, и не понимал, что мы оставляем. Не понимал, что я больше не увижу его каждый день. Не понимал, что всё изменилось навсегда.

Без него было сложно. Маме стало тяжелее. Мы переехали, начинали с нуля, считали каждую копейку. Я видел, как она устаёт, как не спит ночами, как переживает. Я не мог

ей помочь. Я был маленьким. Я мог только учиться, не доставлять хлопот, быть хорошим. Я скучал по нему. По его голосу, по его рукам, по тому чувству безопасности, которое он давал. Но я не злился. Я не знал, на кого злиться. Но он остался моим отцом. Я не злюсь на него. Я принимаю всё, что было. И с благодарностью отношусь к тому, что он дал мне. И понимание тоже пришло. С годами. С болью. С падениями. С подъёмами.

Я понимаю, что он был человеком. Со своими слабостями. Со своей правдой. Со своим путём. Он не смог быть тем, кем хотела мама. Но он был моим отцом. И я благодарен ему за это.

Что я взял от него?

Упрямство. Умение работать, не поднимая головы. Спокойствие, которое иногда путают с равнодушием. Веру в то, что если ты что-то умеешь – это главное. Он научил меня не бояться труда. Научил держать спину прямо, даже когда внутри всё дрожит. Научил тому, что слова иногда важнее дел, а дела – важнее слов.

Я смотрю на себя в зеркало и иногда вижу его. В своих руках, в своей манере говорить. В том, как я работаю, когда не могу остановиться. В том, как я молчу, когда нужно что-то сказать. Это и хорошо, и плохо. **Это – часть меня.**

За то, что он проверял мои уроки. За то, что его руки пахли лекарствами. За то, что я чувствовал себя в безопасности, когда он был рядом. За то, что он научил меня не бояться

работать. За то, что он был. За то, что он есть. Даже если сейчас мы далеко друг от друга. Сейчас, когда я пишу эти строки, я думаю о нём. О том, как он сидел со мной за столом и объяснял математику. О том, как его голос был спокойным, уверенным. О том, как я верил, что он образумится. И не злюсь, что не образумился. Я просто принимаю.

Он мой отец, и я его сын!

Это никуда не делось.

После развода мы виделись редко. Я скучал. Но жизнь шла своим чередом. А потом он переехал туда же, куда и мы. В тот же город. В ту же суету.

Я хотел наладить отношения. У меня была мечта, чтобы семья снова соединилась. Я верил, что если они будут рядом, если увидят друг друга каждый день, то что-то щёлкнет. И всё вернётся. Как в детстве. Как тогда, когда мир был целым.

Я видел, как они пытались. Мама пробовала. Отец пробовал. Они старались. Но к разочарованию, их попытки сойтись были тщетны. Что-то ломалось. Что-то не склеивалось. Мы хотели, чтобы отец жил дома. Чтобы прошлая жизнь вернулась. Но время шло, а ничего не менялось. И страдания переехали в наш новый дом. Они поселились в стенах, в ти-

шине, в тех разговорах, которые не случались.

Стоит отметить: они старались. Оба. Как могли. Он как мог помогал мне жить. Деньгами, советами, редкими звонками. Я не держу на него зла. Нет вины и обиды. Это сухие факты. Я ценю его нахождение в моей жизни. Потому что благодарность — она либо есть, либо её нет по каким-то причинам. У меня она есть.

Может, не будь всего, что случилось со мной, не было бы ни альбома, ни 209, ни этой книги. Но мы делаем с тем, что есть. И ищем иные пути для результата.

В общем, они пробовали. Снова и снова. А я смотрел и не знал, что чувствовать. Надежду? Боль? Усталость?

К отъезду на учёбу я принял решение. Я сказал им — не помню, как именно, но смысл был такой: «Я сейчас не участвую в вашем соединении. Я еду учиться. Чтобы дальше двигаться ровнее».

Не знаю, как они восприняли. Наверное, по-разному. Наверное, каждый подумал о своём. Но внутри меня эта мечта о счастливой семье не умерла. Она просто отложилась вглубь. Туда, где я держу всё, что болит, но не кричит.

Я уехал. Дальше покорять жизнь. А они остались.

Как станет известно, с учебкой не вышло. Я вернулся домой. И тогда началось самое трудное.

Отец давил на меня морально. Он говорил, что я облажался. Что упустил шанс. Что теперь будет ещё сложнее. Я слушал и молчал. Потому что он был прав. Но его правда была

безжалостной. Она не оставляла места для «я старался». Она не оставляла места для «я ещё успею».

Это было одно из самых трудных времён во всей моей истории. Я не злюсь. Я просто **помню**.

5. Тишина вместо огня.

Мама была человеком старой закалки. Она твердила: нужна профессия, нужно учиться. Я кивал, но в голове был только футбол. Правда, говорить о нём дома я стал меньше. Огонь ушёл внутрь. И там, в тишине, он разгорался только сильнее.

Я доковылял до одиннадцатого класса. Последний год. Все вокруг уже знали, куда пойдут. А я – нет. Потому что я всё ещё верил. Глупо, по-детски, но верил. Думал: может, я поздно развиваюсь? Может, ещё догоню?

Однажды я вышел во двор. Взял мяч. Он был старый, с потрескавшейся кожей, местами заклеенный изолентой. Я ударил. Мяч покатился. Медленно. Слишком медленно. И вдруг я понял: я не бегу и не лечу. Я просто стою и смотрю, как мяч катится к забору. Артрит в пять лет, врачи говорили – догонишь. Но я не догнал. Тело не обманешь. Оно всегда говорит правду. Я сел на траву. Она была ещё влажная после утренней росы. Мяч упёрся в забор и замер. Я смотрел на него и ждал, что сейчас заплачу. Но не плакал. Внутри было пусто. Как будто что-то щёлкнуло и выключилось. Не больно и не громко. **Просто – выключилось.**

Я не помню, чтобы я принимал решение. Я просто перестал брать мяч с собой. Перестал рисовать составы. Перестал смотреть футбол. Не потому что разлюбил. А потому

что смотреть на чужую жизнь, когда твоя мечта умерла, было невыносимо. Каждый гол, каждый финт – как игла в сердце. Мама сказала: *«Ну вот и хорошо. Теперь займешься делом»*. Она не поняла. Она не могла понять. Я вообще никому не мог объяснить. Потому что последние годы я молчал о своём огне. И когда он погас, внутри оказалась только тишина. Громкая, тяжёлая тишина.

Я думал, что если молчать, то боль уйдёт. Я ошибался. Она просто затаилась. Чтобы вырваться наружу через несколько лет, когда я решу, что всё ещё можно исправить.

Решили – пойду в медицину. Мама всю жизнь отдала этой профессии. Она сильная женщина, и я хотел её поддержать. Или, может, просто не хотел снова её разочаровывать. Я выбрал город подальше. Медицинский университет имени Бурденко. Серьёзное место, где всё по-взрослому. Я поехал туда не за дипломом. Я поехал с **мечтой – стать футболистом**. Я чувствовал: это моё. Это не ушло. Оно просто ждало. Я думал, что успею всё: и учёбу, и футбол. Наивность? Может быть. Тогда она казалась силой.

Время шло. Анатомия, латынь, зачёты, сессии. Я учился, но внутри горел другой свет. Я жил в общежитии, в маленькой комнате на четверых, где всегда пахло варёной картошкой и чужими носками. По ночам, когда все засыпали, я прокручивал в голове удары, финты, передачи. Я оставлял анкеты везде, где можно. В спортивных клубах, в интернете, на досках объявлений. Ходил на матчи местного клуба, работал

стюардом и представлял себя на поле игроком.

Даже там, в общежитии, я собрал команду из пацанов с факультета. Мы пришли на Кубок ректора. Проиграли все матчи. Но я играл. Я чувствовал газон под ногами, слышал свисток, слышал, как бьётся сердце. **Это было – живое.** А потом пришло письмо. Я наткнулся на него случайно, листая почту. Набор на просмотр в профессиональный клуб. С богатой историей. Я ответил сразу. Мы начали переписываться с тренером молодежной команды. Письмами. Я помню, как открывал почту и пальцы дрожали. Каждое его слово было шагом к мечте, которая, казалось, воскресла.

Мы почти договорились. Почти.

Потом я узнал про закон, точнее пункт. Молодых игроков не просматривают без футбольного образования. Без разряда. А у меня ничего не было. Я был дворовый футболист. На тот момент у меня даже бутс не было. Я играл в кедах. Тренер написал: *«Попробуй найти решение»*.

Я искал. Звонил, писал, ходил. Не вышло. Я отправил последнее письмо. Нажал *«отправить»* и долго смотрел на экран. Обида пришла не сразу. Сначала была пустота. Потом – тяжесть. Потом – злость. На себя, на закон, на этот мир, который снова закрыл передо мной дверь.

В тот день я отказался от мечты. По-настоящему. Не как в детстве, когда она просто замерла. Я сам закрыл эту дверь. И следующие шесть лет я не прикасался к мячу. Не смотрел футбол. И не говорил о нём.

Я похоронил его так глубоко, как только мог.

6. Первая любовь.

В детстве меня отправляли в санаторий. Я много раз ездил в разные места, к морю. Это было что-то вроде награды – или просто способа, чтобы я был занят, пока мама работала. Но я любил эти поездки. Новые места, новые лица, воздух, пахнувший морем и хвоей. И, конечно, влюблялся. Каждый раз. Как будто без этого поездка не считалась настоящей. Однажды всё было иначе.

Я опоздал на автобус. Помню, как бежал по перрону, рюкзак хлопал по спине, сердце колотилось. Автобус уже отъезжал. Я махал руками, кричал, кто-то из взрослых заметил, сказал водителю. Автобус остановился. Я заскочил на подножку, едва дыша. В салоне смеялись. Мне было стыдно, но я был внутри. Я сел у окна, смотрел, как за стеклом мелькают дома, деревья, столбы.

Рядом со мной – парень, с которым я познакомился в очереди. Мы перекидывались словами, я почти не слушал. Я смотрел вперёд, на девочек, которые сидели в середине автобуса. Они смеялись, переговаривались, поправляли волосы. И вдруг я увидел её. Она сидела через два ряда, повернув голову к окну. Волосы темные, длинные, падали на плечи. Она что-то говорила подруге, улыбалась. Я не слышал её голоса, но мне казалось, что он должен быть тихим, спокойным. Я смотрел и не мог оторвать глаз.

– **Это моя,** – сказал я. Не знаю зачем. Сказал тихо, почти шёпотом.

Парень рядом усмехнулся: – **Ты её даже не знаешь.**

– **Узнаю,** – ответил я.

Не знал, откуда взялась эта уверенность. Но она была. Я просто знал. Или думал, что знаю.

Мы приехали в санаторий. Большое здание, белые колонны, запах хлорки и цветов. Нас расселили, провели экскурсию. Я искал её глазами. В столовой, в коридорах, на площадке. Она появлялась и исчезала, как видение. Я не решался подойти. Что сказать? «Привет, я тебя заметил?» Глупо.

Она не смотрела на меня. У неё были другие. Ребята постарше, увереннее. Они подходили к ней, шутили, смешили. Она смеялась, отворачивалась, снова смеялась. Я стоял в стороне, смотрел и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Я был не из тех, кто подходит первым. Я был из тех, кто ждёт. Дни шли. Мы пересекались в столовой, в бассейне, на дискотеках.

Дискотеки в санатории – это смешно. Маленький зал, цветомузыка, песни, которые крутили по кругу. Она танцевала с другими, я сидел в углу и смотрел. Я не умел танцевать. Не умел подходить. Не умел быть уверенным. Я просто был. И ждал.

Я помню, как однажды в бассейне она проплыла мимо меня. Волосы распустились по воде, она улыбнулась кому-то на бортике. Я стоял у стенки, смотрел, как она плавёт, и не

мог двинуться. Вода была тёплой, пахла хлоркой, но я чувствовал только её. В один момент, уже в конце смены, она подошла ко мне сама. Я сидел на лавочке у корпуса, смотрел на море. Оно было серым, ветреным, волны бились о камни. Я любил смотреть на море в такую погоду. Оно было настоящим. Не открыточным. Живым.

– **Ты всегда один,** – сказала она.

Я поднял голову. Она стояла рядом, в лёгком платье, волосы развевались на ветру. Платье было белым, с мелкими цветами. Я запомнил. До сих пор помню.

– **Я люблю тишину,** – сказал я.

Это была неправда. Я просто не знал, что сказать. Я боялся сказать что-то не то. Сказать слишком много или слишком мало. Она села рядом. Ближе, чем я ожидал. Я чувствовал тепло её плеча. Мы молчали. Море шумело, чайки кричали, где-то играла музыка из открытого окна. Я слышал её дыхание. Ровное, спокойное. Моё было сбивчивым, громким. Мне казалось, она слышит, как колотится моё сердце.

– **Как тебя зовут?** – спросила она.

Я сказал. Она сказала своё. Я забыл его через минуту. И помню до сих пор. Странно, как это работает. Некоторые вещи стираются, а некоторые остаются навсегда. Её имя осталось. Мы говорили. О том, откуда кто, о школе, о том, что любим. Я рассказывал о футболе, она слушала, улыбалась. Я чувствовал, как слова текут сами, без напряжения. Я не боялся. И просто говорил. Потом она взяла мой номер. Я не

брал. Не потому что не хотел. А потому что боялся. Боялся, что если дам, то ничего не будет. Или что-то будет. Я не знал, чего боюсь больше. Она вытащила из кармана листок, ручку, протянула мне.

– **Напиши**, – сказала она.

Я написал, пальцы дрожали. Цифры получились кривыми, но она спрятала листок, улыбнулась.

– **Позвоню**, – сказала она и ушла.

Я смотрел ей вслед. Платье развевалось, волосы летели, она шла по дорожке между деревьями, и свет падал на неё сквозь листья. Она обернулась, улыбнулась. Я запомнил эту улыбку. Навсегда.

Прошло время. Мы разъехались. Я вернулся домой, в свою комнату, в свою жизнь. Думал о ней. Представлял, как позвоню. Не звонил. Не знал, что сказать. Боялся, что её голос будет другим. Что она забудет. Что я покажусь глупым. Однажды вечером, когда я сидел за столом и делал уроки, позвонил телефон. Я посмотрел на экран. Незнакомый номер. Сердце ухнуло. Я смотрел на экран, не мог поднять трубку. Он звонил, я смотрел. Потом взял себя в руки, нажал кнопку.

– **Привет**, – сказала она.

Я впал в ступор. Голос был тот же – тихий, спокойный. Я не знал, что ответить. Молчал. Слишком долго. Она, наверное, думала, что я не слышу.

– **Ты там?** – спросила она.

– **Да**, – выдавил я. – **Привет.**

Мы говорили. О том, как прошли дни, о море, о санатории. Она смеялась, я улыбался в трубку. Внутри всё пело. Я сидел на кухне, смотрел в окно, где темнело небо, и слушал её голос. Мне казалось, что это начало. Что всё будет. Продолжили общаться. Звонили, писали, рассказывали о себе. Я ждал её звонков. Перечитывал сообщения. Думал о ней перед сном. Я чувствовал, что это что-то важное. Что это – любовь. Верно сказать – не довели до конца. Я не знаю, почему. Может, расстояние. Может, возраст. Может, я не умел тогда. Не умел говорить о чувствах, не умел делать шаги, не умел быть тем, кто нужен. Я ждал, что она сделает шаг. Может, она ждала того же. Может, она просто хотела, чтобы я был смелее. А я был тихим мальчиком, который умел только смотреть и ждать. Мы перестали звонить. Сначала реже, потом совсем. Я не звонил, потому что боялся. Она не звонила, может, потому что устала ждать. Телефон молчал. Я смотрел на него, думал: «*Набрать?*» И не набирал.

Было ли это любовью? Я не знаю. Может, увлечение. Может, просто первое чувство, которое казалось огромным, потому что не с чем было сравнить. Но я запомнил его. Запомнил её. Запомнил тот вечер на лавочке, когда море шумело, а мы молчали. Запомнил её голос в трубке. Запомнил, как сердце колотилось, когда звонил телефон. Сейчас я понимаю: это было важно. Не потому, что она была «той самой». А потому, что я впервые почувствовал, что могу любить. Что могу ждать. Что могу бояться. Что могу быть уяз-

вимым. Это был первый урок. Я не сдал его тогда. Но **запомнил.**

Я часто вспоминаю её. Не с болью. С теплотой. За ту улыбку. За тот звонок. За то, что она была. И за то, что не стала. Это тоже часть пути. Может, если бы я тогда был смелее, всё сложилось иначе. А может, это должно было остаться там, в том санатории, у моря. Первой любовью, которая не стала второй. Но научила меня, что чувствовать – это нормально. Что бояться – это нормально. Что иногда самое важное остаётся незаконченным. И это тоже хорошо.

Я благодарен тебе всем сердцем, за просто что ты есть.

7. Цифры.

После того как я отказался от футбола – по-настоящему, окончательно, – мир потерял цвет. Я помню этот момент: иду по улице, смотрю на небо, а оно серое. Не пасмурное – серое. Деревья серые, лица серые, даже свет в окнах кажется выцветшим. Я не знаю, было ли так на самом деле или это моя голова выключила все краски, чтобы я не чувствовал так сильно. Но я ничего не чувствовал. Только тяжесть.

В общежитии я лежал на кровати и смотрел в потолок. Вокруг шумели соседи, кто-то учился, кто-то смеялся, кто-то жил. А я – нет. Я просто лежал и ждал, когда пройдет время. Я начал курить. Сначала одну, потом пачку. Потом еще что-то, что помогало не думать. Я хотел уничтожить в себе всё живое. Не громко, не с драмой. Просто – перестать чувствовать. В один из таких дней я листал картинки в телефоне. Бесконечная лента, тусклый свет экрана, пальцы двигаются сами. И вдруг – число. **209**. Я прочел его не как «*две-сти девять*», а по цифрам: «*два – ноль – девять*». Оно зацепилось. Я не знаю, почему. Может, потому, что мне нужно было за что-то зацепиться, чтобы не утонуть совсем. Я закрепил его за собой.

Свой стиль. Свой знак. Свой якорь.

Учёба развалилась. Я не ходил на пары, не сдавал зачёты. В какой-то момент собрал вещи и уехал домой. Мы уже жили в столице. Мама работала, сестра работала. А я делал вид, что живу. Месяц, другой я сидел в своей комнате, не выходил, ни с кем не говорил. Я линчевал себя изнутри по кусочкам. Вспоминал футбол, вспоминал тренера. И чувствовал, как что-то во мне умирает медленно, по миллиметру. В комнате всегда играла музыка. Реп. Я начал в него погружаться. Не просто слушать – жить в нём. Там были сложные образы, смыслы, рифмы, которые держали меня, когда я сам себя не держал. Моя пустота заполнялась чужими словами. Но однажды чужие слова перестали помогать.

17 октября. Я сидел в комментариях у одного исполнителя. Написал что-то, не помню что. И мне ответил парень. Мы начали переписываться. В личных сообщениях я предложил обменяться треками. Мы отправили друг другу списки. Когда я открыл его сообщение, у меня замерло сердце. Семь треков совпало. Восемь. Мы отправили друг другу одни и те же песни. Для меня это не было случайностью. Я тогда уже не верил в случайности. Я верил, что если что-то совпадает так точно – значит, это не просто так. Мы сблизились. Быстро, как будто знали друг друга всегда. Он стал тем, кто увидел во мне то, чего я сам уже не видел.

25 октября. Он сказал мне: «*Ты сможешь*». Он поверил в меня. В мои цифры – **209**. Я выпустил первый трек. Помню, как нажимал кнопку «*опубликовать*», и пальцы дрожали. Не от страха – от того, что я снова чувствовал. После серой пустоты – снова чувствовал. Появилась цель. Сделать великий альбом. Такой, который сможет и маму накормить, и обеспечить ей старость. Такой, который подарит мне успокоение душевной тревоги. Чтобы я встал перед зеркалом и смог сказать себе: «*Я сделал это*».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.